

Скажем, перефразируя Франсуа Вийона: где вы, писатели минувших лет?.. Если во времена Рузвельтовского «нового курса» нас попросили бы назвать несколько здравствующих американских писателей первой величины, мы ответили бы, не задумываясь: Эрнест Хемингуэй, Уильям Фолкнер, Теодор Драйзер, Джон Стейнбек, Томас Вулф, Синклер Льюис, Роберт Фрост, Юджин О'Нил, Шервуд Андерсон. Что ответили бы мы, если бы тот же вопрос нам задали сегодня? Тщетно поискав взглядом среди скопища обступивших нас литературных пигмеев, мы, быть может, установили бы свой выбор на персоне Нормана Мейлера?.. Поистине жалкое зрелище в сравнении с прошлым.

Чем объяснить подобный неурожай? Уж не испортилась ли в стране погода, не изменилась ли топография? Или тут простая случайность, или, чего доброго, рок? Едва ли. Скорее, я думаю: «Не звезды, милый Брут, а сами мы виновны в том, что сделались рабами». Облик теперешней писательской поросли в Америке, подобно облику прочих смертных, складывался не только в

зависимости от их генов, но и под влиянием вскормившей их социально-политической среды. Человека создает не платье, которое он носит, но дух времени, в котором он живет.

Первые свои работы сегодняшние писатели большей

частью писали в период «холодной войны», наступивший вслед за второй мировой войной. Не эпидемия горловых заболеваний породила на свет «молчаливое» послевоенное поколение — оно дитя маккартизма, поразившего немотой умы, ибо клятвы в лояльности, надзор за идеями да гимны «свободному миру» в хоровом исполнении военнопromышленного комплекса не слишком воодушевляли на творческий поиск в области искусства и литературы. Прикрываясь лозунгами о «свободе», в стране душили свободу самовыражения и поднимали на щит конформизм. Роль арбитров в искусстве перешла к агентам ФБР и инквизиторам

писателей, художников, музыкантов ждали черные списки неблагонадежных, а порой и тюремное заключение. Мне самому довелось пережить в то время немало поучительных событий. В военные годы мной был написан

не один антифашистский бестселлер, однако, когда речь пошла о том, чтобы напечатать материалы, разоблачающие послевоенную политику правительства, которая была не чем иным, как полным предательством принципов Франклина Делано Рузвельта, видных издателей внезапно как ветром сдуло! А в 1950 году госдепартамент вопреки всем законам лишил меня паспорта и на десять лет закрыл мне выезд за границу, где я должен был работать, собирая материал для своих книг. Понадобилось постановление верховного суда, чтобы мне вернуть паспорт. А пока меня приговорили к тюремному заключению (по счастью, приго-

вор был отменен) за отказ представить органам власти до выхода в свет рукопись книги, в которой содержались признания одного из приспешников Джо Маккарти. Он был подкуплен — и тоже органами власти — и давал ложные свидетельские показания, из-за

которых человек десять оказались за решеткой. Я вспоминаю здесь об этом не затем, чтобы поплакаться, ища сострадания, но лишь затем, чтобы показать, какая первоклассная выучка приобретается, когда становишься объектом официальных репрессий. Другие инакомыслящие, например, Поль Робсон, прошли куда более тяжкие испытания, чем я.

Только в середине 60-х годов, когда нарастающее в нашем народе недовольство вьетнамской войной сделалось неотделимым от понятия «подорванное доверие», на литературной ниве вновь дружно вззошли ростки инакомыслия. И все же к тому времени, как

документы Пентагона стали достоянием гласности, каждой области искусства был нанесен уже непоправимый ущерб.

Мильтон сказал: «Пусть выпустят на волю все ветры догмы... Однако же, когда на поле выйдет правда, напрасно будем мы питать сомнение в

ее могуществе. Пусть с ложью она сойдется в рукопашной схватке — разве случалось, чтоб правда сплосхвала в свободном и открытом поединке?» Что ж, я согласен с Мильтоном. И, кстати, от цензуры страдает не только правда, но и красота.

Свобода — лишь один из источников, которые питают искусство; чтобы оно цвело пышным цветом, необходимы также и другие. Когда я работал с Пабло Казальсом над «Радостями и печальями» — книгой, посвященной его жизни, он не однажды говорил о «нерасторжимой связи меж искусством и человеческими ценностями». Что же за последние три десятилетия произошло с чело-

веческими ценностями в Соединенных Штатах? Торгашеский, стяжательский дух, стремление к наживе — вот что стало у нас в стране основной движущей силой. Корыстному расчету, а вовсе не гуманизму подчинен наш хваленый образ жизни. От бедно-

сти отмахиваются, как от назойливой мухи, слова «забота о неимущих» вызывают презрительную гримасу. Да и могут ли быть в почете человеческие ценности в стране, где, с легкой руки власть имущих, на своей земле насаждаются реакция и гнет, а на чужой, не жалея средств, оказывается в добром десятке государств поддержка самому звериному деспотизму и целые народы обрекаются на ужас бомбежек.

И когда ныне мы говорим, что пожинаем плоды губительной политики, которая проводилась нашим правительством со времен окончания второй мировой войны, мы подразумеваем не только трагедию в Индокитае, не

только катастрофическое падение нашего престижа в глазах мирового общественного мнения, не только развал экономики и утергейтское позорище. Мы подразумеваем также запустение, оскудение, которые царят почти во всех областях искусства.

С каждым днем теперь все слышнее голоса, задающие вопрос: «А что же будет завтра?» Чаше всего в нем звучит тревога, связанная с инфляцией и уровнем цен на бирже. Значительно реже — тревога о завтрашнем дне искусства. И тогда сказать в ответ можно лишь одно: завтрашний день, а очень возможно, и само существование искусства так же, как завтрашний день и само существование американского народа зависят от того, будет ли покончено с мифами «холодной войны», с мечтами о процветании, основанном на производстве вооружения.

Будем же надеяться, что художники завтрашнего дня помогут нашей стране вновь обрести те идеалы, на которых она первоначально была основана.

Альберт Е. КАН,
американский писатель,
НЬЮ-ЙОРК.

«Сов. культура», 1975, 16 дек.